

Сухих О.С.

Доктор филологических наук, доцент.

Кафедра русской литературы

Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского

**МОТИВЫ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» В ПОВЕСТИ
С. ЛАГЕРЛЁФ «ДЕНЬГИ ГОСПОДИНА АРНЕ»**

Опубликовано: журн. «Успехи современной науки». 2016. № 7. Том 4. С. 50-54.

http://modernsciencejournal.org/release/USN_2016_7_4_tom.pdf .

Аннотация: Анализируется повесть С. Лагерлёф «Деньги господина Арне» с точки зрения нравственно-философской проблематики. Целью работы становится выявление в тексте этого произведения переключек с романом Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» на уровне решения проблем христианской этики. Делаются выводы, что шведская писательница развивает и переосмысливает в своей повести многие важнейшие идеи романа «Преступление и наказание». Это выражается в показе нравственных страданий преступника, в постановке вопроса о его духовном возрождении, в решении проблемы выбора между справедливостью и милосердием. Данный материал может использоваться при изучении русской и зарубежной литературы, интертекстуальных связей.

Ключевые слова: христианская этика, справедливость, милосердие, преступление, духовное возрождение.

Творчество С. Лагерлёф воплотило в себе многие традиции и нравственные приоритеты шведского общества, однако очевидно, что его проблематика выходит за узко национальные границы. Это подтверждается существенным количеством переключек с произведениями русской литературы, о которых пишут исследователи [1; 4; 7; 8]. В частности, в повести С. Лагерлёф «Деньги господина Арне» можно увидеть художественное переосмысление многих важных мотивов романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

Прежде всего, уже на сюжетном уровне читательское внимание привлекает **мотив страданий человека, преступившего границу морали**. Оба автора изображают преступника, сознательно нарушившего нравственный закон и рассчитывающего пережить это и идти дальше, добиваясь своих целей (правда, цели эти совершенно различны). Но в обоих случаях получается так, что героя не оставляют тяжёлые мысли и разрушительные эмоции. Раскольников стал хрестоматийным примером моральных страданий преступника: он видит изматывающие сны, возвращается на место убийства и вспоминает о крови, залившей пол, он «играет» со следствием, как будто хочет разоблачения, он даже физически заболевает от нервного напряжения – эти проявления его тяжёлых переживаний многократно проанализированы отечественным литературоведением [5; 6; 10 и др.]. С убийцей господина Арне происходит нечто подобное, хотя и в гораздо менее ярких проявлениях: «Сэр Арчи не мог понять, отчего не оставляют его в покое ни днем ни ночью тяжелые мысли<...> “Почему должен я все время думать о том, о чем мне вовсе не хочется вспоминать, — сказал сэр Арчи самому себе. — Мне кажется, что кто-то ходит за мной крадучись повсюду и нашептывает мне эти мысли в ухо. Мне кажется, будто кто-то плетет вокруг меня сеть, — подумал сэр Арчи, — чтобы отлавливать в нее все мои мысли, кроме этой одной. Я не вижу охотника, расставляющего сеть, но шаги его я слышу, когда он за мной крадется”» [11]. Этот образ «охотника» становится *персонификацией возмездия и совести одновременно*, поскольку два эти начала неразрывно связаны. А когда один из эпизодических героев – торговец рыбой Торарин – видит на ледяной дороге сэра Арчи, то замечает, что за ним крадётся тень девушки – убитой им внучки господина Арне, которая неотступно следует за ним, как будто хочет что-то шепнуть ему на ухо. Сходное ощущение преследования, ведущейся на него «охоты» испытывает Раскольников, а персонификацией нравственного суда, совести становится образ мещанина, идущего за главным героем и произносящего обвинение: «Убивец ты!»

Раскольников в романе Ф.М. Достоевского переживает трагедию из-за того, что, совершив преступление, пошёл *против собственной природы*, чего

нельзя сказать о герое С. Лагерлёф, для которого не характерны гуманизм и мессианские чувства. Но само его психологическое состояние после убийства, сама невозможность покоя и душевного равновесия уже говорит о том, что натура сэра Арчи не так уж проста и безнравственна, что в ней всё же *существует христианское начало*, противостоящее принципу «всё позволено», которым он руководствуется. Здесь стоит отметить, и у Ф.М. Достоевского, и у С. Лагерлёф рядом с главным героем есть **двойники**, тоже исповедующие принцип «всё позволено», но при этом не подверженные нравственным страданиям. В «Преступлении и наказании» это Лужин и Свидригайлов – в повести С. Лагерлёф это приятели и соучастники сэра Арчи: сэр Реджинальд и сэр Филип, которые, пережив то же самое, что и он, не могут тем не менее понять, почему он после этого не в состоянии беспечно радоваться жизни.

Ещё один мотив, роднящий главных героев Ф.М. Достоевского и С. Лагерлёф – это страдания, вызванные **разочарованием в себе**, своим недостаточным хладнокровием. Раскольников не может простить себе, что не сумел пережить преступление и доказать «наполеоновскую» суть своего характера. Сэр Арчи стыдится говорить о собственных переживаниях своим приятелям: «Он думал: “Интересно, что бы товарищи мои сказали мне, когда б узнали о моих переживаниях, столь постыдных для мужчины. Они ведь тотчас перестали бы слушаться меня, узнав, что я мучаюсь от раскаяния в поступке, совершить который было необходимо”» [11].

Как и в романе Ф.М. Достоевского, в повести «Деньги господина Арне» поднимается **вопрос о возможности духовного возрождения**, «воскресения» преступника. Герой Ф.М. Достоевского изначально не задумывается об этом. В диалоге с Раскольниковым Порфирий Петрович спрашивает его, будет ли человек наполеоновского типа страдать, если нарушит нравственную норму, – Раскольников же отвечает, что если в нём сохранилась совесть, то будет, т.е. он сознательно обрекает себя на нравственные страдания, одиночество и не рассчитывает на облегчение собственной участи. Лишь в конце эпилога в нём рождается стремление к новой жизни. В повести же С. Лагерлёф герой, который

совершает преступление ради наживы, без какой-либо нравственно-философской подоплёки, наоборот, не ожидает от себя серьёзных переживаний, а когда сталкивается с этим, то тут же стремится сгладить эту острую для него ситуацию. Ему представляется, что он может искупить зло, причинённое одному человеку, тем, что сделает добро другому. Предлагая воспитаннице господина Арне – Эльсалилль – замужество и счастливую, обеспеченную жизнь, он хочет тем самым искупить свою вину в убийстве её названной сестры и всей приёмной семьи. Складывается ситуация, в которой девушка, воплощающая в себе чистое, нравственное начало, призвана помочь преступнику спасти его душу, помочь ему снять тяжкий груз с его совести – герою «требуется своя Соня Мармеладова» [9, с. 863]. Но, в отличие от героини Ф.М. Достоевского, Эльсалилль при этом переживает жесточайший **внутренний конфликт** между долгом, требующим отомстить за любимую сестру и выдать убийцу, и чувством, непреодолимо влекущим её к этому человеку. Этот конфликт накладывается на другое противоречие, которое ранее раскрывалось С. Лагерлёф в рассказе «Изгои» (из сборника «Невидимые узы», 1894 г.) и впоследствии будет затронуто в романе «Отлучённый» (в переводе Е. Благовещенской – «От смерти к жизни») (1918 г.), - **противоречие между справедливостью и милосердием.**

В рассказе «Изгои» герой – Турд – воспринимает справедливость как основу и истинную суть христианского учения, поэтому решает выдать преследователям своего друга, совершившего преступление. Но это влечёт за собой трагедию и острые страдания героя, пожертвовавшего единственным духовно близким человеком. Автор здесь акцентирует внимание на том, что личность, поставившая справедливость выше милосердия, на самом деле не реализует христианский этический принцип, а нарушает его, что и предопределяет трагический исход событий. В романе «Отлучённый» / «От смерти к жизни» окружающие осуждают и преследуют героя, которого считают виновным в каннибализме, хотя и вынужденном. В рамках своей логики они действуют справедливо, но эта справедливость исключает милосердие и ведёт не к торжеству добра, а лишь к страданиям человека, к тому же невиновного, как оказывается впо-

следствии. В обоих произведениях С. Лагерлёф подчёркивает, что с христианской точки зрения милосердие важнее справедливости. Однако в повести «Деньги господина Арне» ситуация несколько иная.

Эльсалилль в своём решении спасти преступника от суда и казни руководствуется, прежде всего, любовью к сэру Арчи, но есть у неё и *моральные соображения*: «Разве не стало бы угодным Богу и людям, когда бы он смог искупить вину свою и сделаться добропорядочным человеком? Какая будет польза оттого, что его казнят? <...> Конечно же, лучше, чтобы преступник обратился на путь истинный и стал бы жить по завету Божьему, нежели был бы наказан и убит» [11]. Трудно судить, насколько героиня стремится к осуществлению милосердия, а насколько просто оправдывает себя за то, что не может выдать преступника. Но в любом случае и тот, и другой мотив здесь присутствует. Однако на нравственную оценку действий героини накладывается и другой момент: писательница акцентирует внимание на том, **заслуживает ли милосердия сам преступник**. Если в «Изгоях» убийца Берг готов был раскаяться в своём грехе, а в «Отлучённом» Свен Эльверссон вообще был представлен как воплощение самых светлых чувств и нравственных качеств, то в повести «Деньги господина Арне» сэр Арчи изображён человеком, от природы бездуховным и жестоким. Им движет не стремление к духовному обновлению или к христианской морали, а лишь желание избавиться от тяжёлых мыслей, тоски. И Эльсалилль он не столько любит, сколько использует. По этим причинам её решение дилеммы «справедливость – милосердие» в пользу милосердия *оценивается автором как ошибка*. Это подтверждается дальнейшим развитием сюжета: когда сэр Арчи понимает, что Эльсалилль выдала его, то в нём просыпаются ненависть и коварство. Чтобы бежать от стражников, он берёт девушку в заложницы и прикрывается ею, а героине приходится самой направить копьё стражника себе в сердце, чтобы не быть прикрытием для преступника.

Казалось бы, ситуация однозначно разрешилась в пользу справедливости, но финал повести не подразумевает такого простого решения проблемы. *Однозначность нравственной оценки преступника оказывается под вопросом* в эпи-

зоде его бегства, когда он несёт с собой на руках Эльсалилль, ещё не понимая, что она убита. Сэр Арчи уже прекрасно знает, что она выдала его, в качестве прикрытия она ему больше не нужна, так как от стражников он ушёл, – и всё же он, вместо того чтобы думать лишь о спасении, уносит с собой Эльсалилль и мечтает построить ей в Шотландии прекрасное жилище, одеть её в дорогие меха и окружить роскошью. Нельзя не признать, что в натуре героя многое замешано на противоречиях: в нём есть и эгоизм, и жестокость, которую он понимает как проявление мужского характера, но есть и способность на любовь, даже определённое великодушие. И всё же никто из персонажей ему не сочувствует, и автор с помощью символического поворота сюжета выражает негативную оценку этого героя: именно после ареста сэра Арчи и его соучастников сама природа являет милость к людям (мистическим образом пролив освобождается ото льда, и корабли теперь могут выходить в море). Природа в этом эпизоде воспринимается как символ некоего вечного и высшего закона, который был нарушен сэром Арчи и восстановлен благодаря его разоблачению и аресту.

Такое решение проблемы (наказание преступника по закону) воспринимается в повести как **соответствующее христианской доктрине**: именно в церкви Эльсалилль слышится плач сестры, пробуждающий её совесть; именно выйдя из церкви, она видит на дороге её окровавленные следы – эти мистические знаки как раз мотивируют в конечном итоге выбор героини в пользу справедливости. Почему же сэр Арчи не заслуживает прощения и шанса на «воскресение»? Возможно, потому, что он в своих лучших чувствах не способен быть последовательным: он хочет добра Эльсалилль, когда сам рассчитывает на спасение, и ненавидит её, когда из-за её действий оказывается в опасности. Его добродетель ненадёжна и зависима от обстоятельств, над ней довлеет эгоизм. Поэтому в итоге сэр Арчи обречён на суд и казнь, тогда как Эльсалилль, пожертвовавшая жизнью в попытке помешать бегству преступника, превозносится как истинная героиня и удостоивается почестей. У Ф.М. Достоевского же истолкование христианской этики более универсально: **милосердия достоин любой человек**. Не случайно и Раскольников, и Иван Карамазов переживают са-

мые острые нравственные страдания, доводящие их до болезни, хотя их жертвами (прямо или косвенно) становятся люди, которых никак нельзя назвать образцами морали: и процентщица, и старший Карамазов причиняли лишь зло окружающим. Концептуальное значение для писателя имеет и то, что такие персонажи, как Соня Мармеладова или Алёша Карамазов, **не берут на себя роль судей**. Соня не в силах обречь на гибель даже Лужина, который её оклеветал (на вопрос Раскольникова: «Лужину ли жить и делать мерзости или умирать Катерине Ивановне?» [2, с. 313] - она отвечает, что не может знать Божьего промысла, а потому и не вправе решать). Алёша, даже когда в порыве эмоций говорит, что помещик, затравивший собаками ребёнка, заслуживает расстрела, то тут же отступает от этого спонтанного решения и признаёт: «Я сказал нелепость...» [3, т. 14, с. 221]. В этом отношении названные выше рассказ «Изгой» и роман «Отлучённый» ближе к концепции Достоевского, чем повесть «Деньги господина Арне».

Итак, С. Лагерлёф обращается в своей повести к проблемам и мотивам, имевшим ключевое значение в творчестве Ф.М. Достоевского, по-своему художественно переосмысливает их. При этом важнейшими для обоих писателей становятся вопросы христианской этики, гуманизма, духовного возрождения личности.

Литература:

1. Давлетшина Е. Сельма Лагерлёф. URL: <http://www.manwb.ru/articles/arte/literature/lagerlef> (дата обращения: 29.04.2016).
2. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 30 тт. Т. 6. Л.: Наука, 1973. 424 с.
3. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 30 тт. Т. 14–15. Л.: Наука, 1976.
4. Иванов А.Н. Сельма Лагерлёф и русская культура. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Ivanov_Lagerlof/ (дата обращения: 29.04.2016).

5. Касаткина Т.А. Воскрешение Лазаря: опыт экзегетического прочтения романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вопросы литературы. М., 2003. Январь-февраль. С. 176–208.
6. Кирпотин В.Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова. М.: Советский писатель, 1974. 446 с.
7. Кобленкова Д.В. Проза С. Лагерлёф и традиции русской классической литературы (к постановке проблемы) // Русская литература в иноязычном культурном пространстве: монолог, диалог, полилог. Сб. материалов международной научно-практической конференции (11 ноября 2015 г., г. Саранск). Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2016. С. 163–168.
8. Кобленкова Д.В. Философская проза С. Лагерлёф. Социально-христианская идея и формы вторичной условности в повести «Возница» // Грехневские чтения. Словесный образ и литературное произведение. Сб. научных трудов. Вып. 6. Нижний Новгород: «Книги», 2010. С. 255–260.
9. Кобленкова Д.В. Элементы агиографического канона как метажанровой структуры в повести С. Лагерлёф «Деньги господина Арне» и одноимённой экранизации М. Стиллера // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 862–865.
10. Кожинов В. «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского // Бочаров С., Кожинов В., Николаев Д. Три шедевра русской классики. М.: Художественная литература, 1971. С. 107–187.
11. Лагерлёф С. Деньги господина Арне / Пер. с шведского М. Тевелева. Л.: Художественная литература, 1989. URL: http://royallib.com/read/lagerlyof_selma/dengi_gospodina_arne.html#102400 (дата обращения: 2.05.2016).

References:

1. Davletshina E. Sel'ma Lagerlyof. URL: <http://www.manwb.ru/articles/arte/literature/lagerlef> (data obrashcheniya: 29.04.2016).

2. Dostoevskij F.M. Prestuplenie i nakazanie // Dostoevskij F.M. Sobr. soch. v 30 tt. T. 6. L.: Nauka, 1973. 424 s.
3. Dostoevskij F.M. Brat'ya Karamazovy // Dostoevskij F.M. Sobr. soch. v 30 tt. T. 14 – 15. L.: Nauka, 1976.
4. Ivanov A.N. Sel'ma Lagerlyof i russkaya kul'tura. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Ivanov_Lagerlof/ (data obrashcheniya: 29.04.2016).
5. Kasatkina T.A. Voskreshenie Lazarya: opyt ehkzegeticheskogo prochteniya romana F.M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» // Voprosy literatury. M., 2003. YAnvar'-fevral'. S. 176–208.
6. Kirpotin V.YA. Razocharovanie i krushenie Rodiona Raskol'nikova. M.: Sovetskij pisatel', 1974. 446 s.
7. Koblenkova D.V. Proza S. Lagerlyof i tradicii russkoj klassicheskoj literatury (k postanovke problemy) // Russkaya literatura v inoyazychnom kul'turnom prostranstve: monolog, dialog, polilog. Sb. materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (11 noyabrya 2015 g., g. Saransk). Saransk: Izd-vo Mordovskogo universiteta, 2016. S. 163-168.
8. Koblenkova D.V. Filosofskaya proza S. Lagerlyof. Social'no-hristianskaya ideya i formy vtorichnoj uslovnosti v povesti «Voznica» // Grekhnevskie chteniya. Slovesnyj obraz i literaturnoe proizvedenie. Sb. nauchnyh trudov. Vyp. 6. Nizhnij Novgorod: «Knigi», 2010. S. 255–260.
9. Koblenkova D.V. Ehlementy agiograficheskogo kanona kak metazhanrovoj struktury v povesti S. Lagerlyof «Den'gi gospodina Arne» i odnoimyonnoj ehkranizacii M. Stillera // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2010. № 4 (2). S. 862–865.
10. Kozhinov V. «Prestuplenie i nakazanie» F.M. Dostoevskogo // Bocharov S., Kozhinov V., Nikolaev D. Tri shedevra russkoj klassiki. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1971. S. 107–187.
11. Lagerlyof S. Den'gi gospodina Arne / Per. s shvedskogo M. Teveleva. L.: Hudozhestvennaya literatura, 1989. URL:

http://royallib.com/read/lagerlyof_selma/dengi_gospodina_arne.html#102400

(data obrashcheniya: 2.05.2016).

Sukhikh O.S.

Doctor of Philology, Associate professor.

Department of Russian literature

N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

MOTIVES OF THE NOVEL BY FYODOR DOSTOYEVSKY “CRIME AND PUNISHMENT” IN THE STORY BY SELMA LAGERLÖF “HERR ARNE'S HOARD”

Abstract: In the article moral and philosophical problems in the story by Selma Lagerlöf “Herr Arne's Hoard” are analysed. The aim of the article is to find relevant similarities in understanding of Christian ethics between the story by Lagerlöf and the novel by Dostoyevsky. The author comes to the conclusion that central ideas of “Crime and Punishment” are developed and reinvented by the Swedish authoress. Dostoyevsky’s motives are reinterpreted by Lagerlöf in describing moral suffering of the criminal, in raising the question of his spiritual renovation, in addressing the problem of choice between justice and mercy. This article can be used in the study of Russian and foreign literature and intertextual relations.

Key words: Fyodor Dostoyevsky, Selma Lagerlöf, Christian ethics, justice, mercy, crime, spiritual renovation.